
АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

**Средние века
(VIII – начало XIII вв.)
Волжская Болгария
Финно-угорский мир
Кочевники Восточной Европы**

Том

V

КАЗАНЬ

2022

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

УДК 902
ББК 63.444(235)

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

Рецензенты

д.и.н., проф., академик РАН Н.Н. Крадин (Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток),
д.и.н., проф., С.Г. Боталов (Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск; Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург)

A87

Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 5. Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. – Казань: Изд-во АН РТ, 2022. – 888 с.: ил.

ISBN: 978-5-9690-0951-6, 978-5-9690-1113-4 (т. 5)

Хронологические рамки настоящего тома «Археологии Волго-Уралья» охватывают период с начала VIII в. до монголо-татарских завоеваний 1236 г. Его территориальные границы включают лесные, лесостепные зоны Северо-Восточной Европы и частично степные районы России, где в эпоху средневековья проживали предки современных марийцев, удмуртов, коми, мордвы, поволжских татар, чувашей и башкир.

В первом разделе тома обобщены материалы из археологических памятников Волго-Уралья VIII–X вв. Второй раздел полностью посвящается археологии Волжской Болгарии домонгольского времени. В последнем разделе речь идет об этнокультурных процессах в VIII–XIII вв. на материалах археологии и антропологии. Завершается раздел (и том в целом) кратким очерком о монголо-татарских завоеваниях 1236 г., ставших своеобразным рубежом в истории народов Восточной Европы.

The chronological frames of the present volume on the "Archaeology of the Volga-Urals" cover the period from the beginning of the 8th century to the Mongol-Tatar conquests in 1236. Its territorial borders include forest and forest-steppe zones of Northeastern Europe and partially steppe areas of Russia, where the ancestors of contemporary Mari, Udmurt, Komi, Mordvinian, Volga Tatar, Chuvash and Bashkir peoples lived in the Middle Ages.

The first section of the volume generalizes the materials from the archaeological sites of the Volga-Ural region of the VIII–X centuries. The second one is completely devoted to the archaeology of the Volga Bulgaria in the pre-Mongol period. The last section presents the ethnic-cultural processes in the VIII–XIII centuries based on the materials of archaeology and anthropology. The section (and the volume as a whole) ends with a short overview on the Mongol-Tatar conquests in 1236 that became a kind of border-line in the history of the peoples of Eastern Europe.

ISBN: 978-5-9690-0951-6, 978-5-9690-1113-4

DOI: <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2022.5>

*Многотомное издание «Археология Волго-Уралья» подготовлено
и издано за счет средств Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2024 годы)»*

© Институт археологии АН РТ, 2022
© Изд-во АН РТ, 2022

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛЕН-КОРР. АКАДЕМИИ НАУК РТ
А.Г. СИТДИКОВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ
член-корр. АН РТ, д.и.н. Ф.Ш. ХУЗИН (ответственный редактор)
д.и.н.Т.Б. НИКИТИНА (ответственный редактор)

к.и.н. Р.Р. САТТАРОВ

к.и.н. Д.К. ТУЛУШ

к.и.н. З.Г. ШАКИРОВ

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Археология Волго-Уралья
в 7 томах

- ТОМ I КАМЕННЫЙ ВЕК
ТОМ II ЭНЕОЛИТ БРОНЗОВЫЙ ВЕК
ТОМ III РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК
ТОМ IV ЭПОХА ВЕЛИКОГО
ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
ТОМ V СРЕДНИЕ ВЕКА
(VIII – НАЧАЛО XIII ВВ.)
ТОМ VI СРЕДНИЕ ВЕКА
(ВТОРАЯ ТРЕТЬ XIII –
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV ВВ.)
ТОМ VII ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.
(СЕРЕДИНА XV–XVII ВВ.)

Авторы тома V:

АСЫЛГАРАЕВА Г.Ш.
БЕЛАВИН А.М.
БЕЛОРЫБКИН Г.Н.
ВАЛЕЕВ Р.М.
ВАЛИЕВ Р.Р.
ВАЛИУЛИНА С.И.
ВАСИЛЬЕВ Д.В.
ВИХЛЯЕВ В.И.
ГАЗИМЗЯНОВ И.Р.
ГИСМАТУЛЛИН М.Р.
ГОЛДИНА Р.Д.
ГУБАЙДУЛЛИН А.М.
ДАВЛЕТШИН Г.М.
ЗЕЛЕНЕЕВ Ю.А.
ЗЕЛЕНЦОВА О.В.
ЗИЛИВИНСКАЯ Э.Д.
ИВАНОВ В.А.
ИВАНОВА М.Г.
ИЗМАЙЛОВ И.Л.
КАЗАКОВ Е.П.
КОКОРИНА Н.А.
КОЧКИНА А.Ф.
КРАВЧЕНКО Э.Е.
КРЫЛАСОВА Н.Б.
ЛИФАНОВ Н.А.
МУРЫГИН А.М.
МУХАМЕТШИН Д.Г.
НАБИУЛЛИН Н.Г.
НИГАМАЕВ А.З.
НИКИТИНА Т.Б.
ПАЛЬЦЕВА Д.У.
РУДЕНКО К.А.
САВЕЛЬЕВА Э.А.
СЕМЬКИН Ю.А.
СИТДИКОВ А.Г.
ХАЛИКОВ Н.А.
ХУЗИН Ф.Ш.
ШАКИРОВ З.Г.
ШАРИФУЛЛИН Р.Ф.

ГЛАВА 4

ПАМЯТНИКИ КАМСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ. ЧУМОЙТЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА

История изучения. Первые обследования памятников позднего Средневековья Южной Удмуртии были предприняты в 80–90-х годах XIX в. Г.Н. Потаниным (1882), А.А. Спицыным (1893) и Ф.Д. Нефедовым (1899). Они осматривали и производили небольшие раскопки на городищах междуречья рр. Иж и Тоймы и прилегающего Прикамья, получив при этом небольшой, но выразительный материал, позволивший им связать эти памятники с вотяками (удмуртами). В 1934–1936 гг. в Можгинском и Алнашском районах Удмуртии на побережьях рр. Валы, Кильмези, Иж и Тоймы работал А.П. Смирнов, открывший несколько городищ, поселений и могильников IX–X и XIV–XVI вв. (1937, 1941). Число известных памятников возросло, но последовал и вывод А.П. Смирнова о слабой заселенности в указанный период этого края. В 1965–1969 гг. большие работы в бассейне р. Иж были проведены В.А. Семеновым, который открыл новые поселения, раскопал Петропавловский могильник VII в. (1976) и Ореховский могильник XVI в. (1976а).

На рубеже 60–70-х годов в Прикамской Удмуртии работали отряды Нижнекамской экспедиции Уральского университета (рук. В.Ф. Генинг). На памятниках более раннего времени обнаружили материалы первой половины II тыс. н. э.: посуда IX–XII вв. на городище Каменный Лог (Ашихмина, 1977), остатки металлургического комплекса на Зуево-Ключевском II городище (первая половина II тыс. н. э.) (Голдина, 1976) и др.

В 1976 г. Р.Д. Голдиной исследован важный для этого времени памятник – жертвенное место Чумойтло XI–XII вв. в Можгинском районе Удмуртии (Голдина, 1987), давший название культуре. Последующими исследованиями было установлено, что чумойтлинская культура сложилась на основе предшествующей финно-пермской верхнеутчанской культуры, имеющей ананьинско-пьяноборские истоки, и в дальнейшем была реализована в южноудмуртских могильниках XVI–XIX вв.

Область расселения. Чумойтлинская культура расположена в южной части Камско-Вятского междуречья, по правому берегу р. Камы, примерно от устья р. Иж до устья р. Белой и в междуречье, в бассейнах рр. Вала и Иж.

Памятников немного – чуть больше десятка, из них 5 городищ, 3 селища, 1 могильник, жертвенное место и 5 случайных находок.

Скептики могут счесть, что столь малое количество памятников не дает основания для выделения культуры, но в этом случае нет объяснения отсутствию населения на значительной, благоприятной для жилья территории, обитаемой в предшествующее (до X в. н. э.) и последующее (XVI в.) время. Малочисленность источников можно объяснить прежде всего характером памятников и недостаточной изученностью региона. Ведь еще совсем недавно (до 1973 г.) здесь не были известны памятники мезолита – энеолита, а теперь мы знаем их десятками. Присутствие даже нескольких объектов убеждает в том, что регион был обитаем. Открытие новых памятников – дело будущего. На юго-востоке, в Предкамье, в окрестностях г. Елабуги располагается значительная группа болгарских памятников, содержащих значительные финно-пермские материалы ломоватово-неволинно-поломского облика (рис. 1).

Поселения. Особенностью этого периода в Камско-Вятском междуречье является изменение характера расселения обитателей. Постоянная угроза нападения: внутренние миграции, а также провоцирующий их приток нового населения из более южных областей: гото-славян, болгар, кочевников-тюрок – заставляла население искать более укромные места и уходить подальше от русел крупных рек. При совершенствовании способов осады укрепленных городков земляные валы с деревянными стенами стали весьма уязвимы и не спасали от врагов. Строительство городищ прекратилось. Лишь изредка использовались городища предшествующих эпох (Каменный Лог, Благодатское I, Елабужское).

В новых условиях население искало иные способы защиты от неприятеля, например, сокрытие в глухих лесах и освоении новых, недоступных неприятелю мест на малых реках и междуречьях. Поскольку места обитания не связаны с крупными реками и городищами, обнаружить их трудно. На Дубровском селище IX–XIII вв. в бассейне р. Валы А.П. Смирновым исследована землянка площадью 20 кв. м и глубиной котлована 0,5 м, в

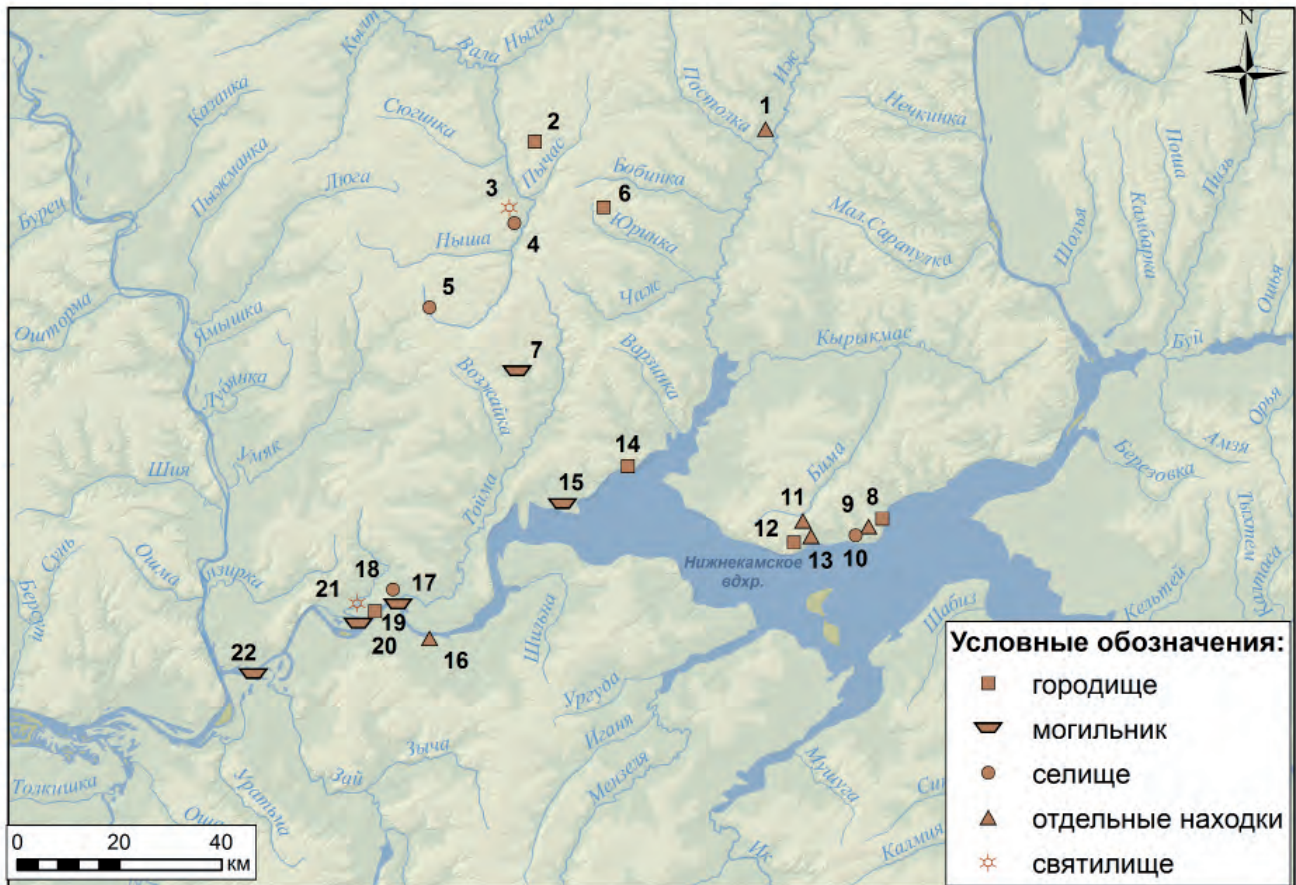

Рис. 1. Карта-схема памятников чумойтлинской культуры.

1 – Мало-Пургинская находка подвески-змеевика; 2 – Минчегуртское городище; 3 – жертвенное место Чумойтло; 4 – Можгинское селище; 5 – Дубровское селище; 6 – Юринское городище; 7 – Ореховский могильник XVI в.; 8 – Быргындинское II (Каменный Лог) городище; 9 – Быргындинские III находки железного наконечника стрелы и бронзовой коньковой подвески; 10 – Быргындинское IV поселение; 11 – Ильнешская находка бронзового наконечника булавы; 12 – Зуево-Ключевское II городище; 13 – Зуевская находка бронзовой привески; 14 – Благодатское I городище; 15 – Тураевский II могильник; 16 – Ананьинские находки двух железных наконечников стрел и бронзовой шумящей подвески-уточка. Болгарские памятники с присутствием финно-пермских материалов: 17 – Елабужский IV некрополь; 18 – посад Алабуги; 19 – Елабужское городище; 20 – Елабужский II некрополь; 21 – Танайские II находки подвесок-уточек (Арсланов, Нигамаев, 2012); 22 – Котловский могильник.

которой обнаружены фрагменты глиняной посуды и железный нож (Смирнов, 1937, с. 183). На Можгинском селище XII–XIV вв. им же собраны обломки лепной керамики городищенского типа, а также несколько фрагментов золотоордынской посуды (Смирнов, 1937, с. 179).

На старых городищах иногда размещали металлообрабатывающие мастерские. Котлован такой избушки размерами 5,0×3,6 м и глубиной до 55 см (рис. 2: 11) с находками кусков руды, шлаков, тигля (рис. 2: 5), молотом-дробильником (рис. 2: 9), готовых изделий: железного серпа (рис. 2: 6), ножа (рис. 2: 7) – и мелких фрагментов керамики (рис. 2: 2–4) был обнаружен на небольшой площадке Зуево-Ключевского II городища, ограниченного неглубокой канавой, в Каракулинском районе Удмуртии (Голдина, 1976, с. 86–89).

Известен лишь один **могильник**, очевидно, смешанный – болгаро-финно-пермский – Тураевский

II. Памятник открыт и исследован в 1987–1988 гг. отрядом КВАЭ под руководством О.В. Армагынской (1989, с. 41–42), изучено 104 средневековых захоронения.

Могила расположена рядами, вытянутыми с ССЗ на ЮЮВ. Размеры могильных ям варьируют преимущественно в пределах 1,5–2,2×0,4–0,6×0,4–0,8 м, ориентированы по линии ЗЮЗ–ВСВ, иногда с меридиональными отклонениями. Умершие уложены головой на З–ЮЗ или ЮЗ. Все захоронения индивидуальные, за исключением одного парного (погр. 24).

По положению умерших выделены две группы захоронений. Первую (50% всех умерших) составляют погребенные, слегка развернутые на правый бок, при этом ноги согнуты вправо, нередко согнуты в локте левые руки так, что кисти уложены на правые бедра. Голова погребенных повернута на правый бок, лицом к Ю или ЮВ. В семи моги-

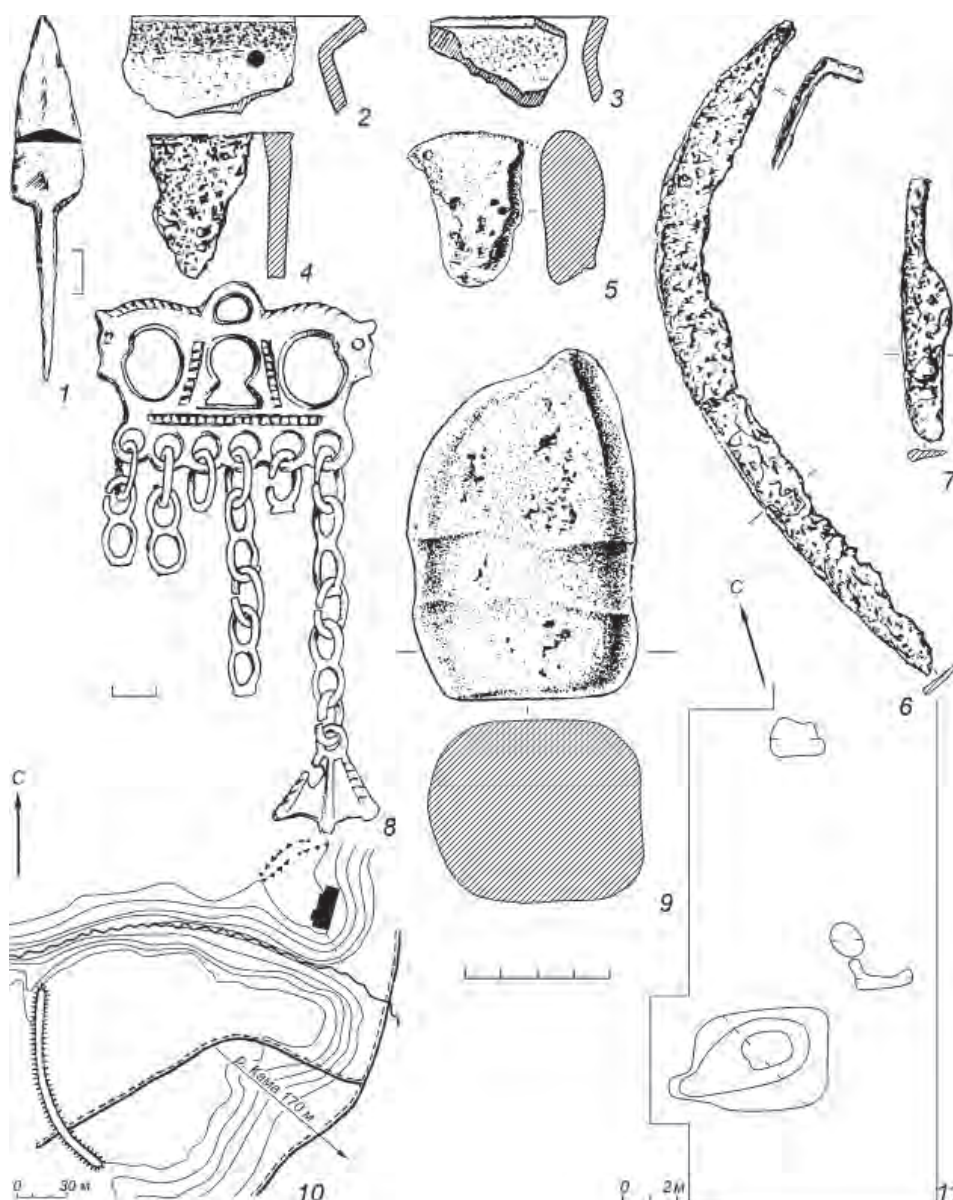

Рис. 2. Отдельные находки чумойтлинской культуры и планы Зуево-Ключевского II городища. 1 – наконечник стрелы; 2–4 – фрагменты сосудов; 5 – фрагмент тигля; 6 – серп; 7 – нож; 8 – подвеска; 9 – молот; 10 – топографический план Зуево-Ключевских I и II городищ; 11 – план сооружений первой половины II тыс. на Зуево-Ключевском II городище.

1, 8 – Быргындинские III находки; 2–7, 9, 10, 11 – Зуево-Ключевское II городище.
1, 6, 7 – железо; 2–5 – глина; 8 – бронза; 9 – камень.

лах найдены железные скобы и гвозди, скреплявшие деревянные гробовища (до 9–12 экз. в одной конструкции), еще в двух могилах зафиксированы остатки деревянных нижних перекрытий.

В другую группу входят 27% всех умерших, голова которых обращена лицом на СВ или ССЗ.

Особенности погребального обряда первой группы захоронений Тураевского II могильника: безынвентарность, наличие железных Т-образных гвоздей от погребальных конструкций, отсутствие следов языческого культа огня – сближают памятник с известными мусульманскими могильниками Восточной Татарии. Вероятно, это один из редких

болгарских некрополей на правобережье Нижней Камы. Вторую группу предположительно можно связать с финно-пермским населением этого региона.

Сопровождающий инвентарь обнаружен лишь в семи могилах: железные и бронзовая (рис. 2: 10) пряжки, железные ножи и наконечник стрелы, три бусины от височных подвесок. Из них датирующей может выступать лишь бронзовая пряжка, имеющая близкие аналогии на памятниках XI–XII вв. Пермского Предуралья (Белавин, Крыласова, 2008, с. 407, рис. 197, 8, 9) и бассейна р. Чепцы (Иванова, 1998, рис. 27, 8; 57, 16).

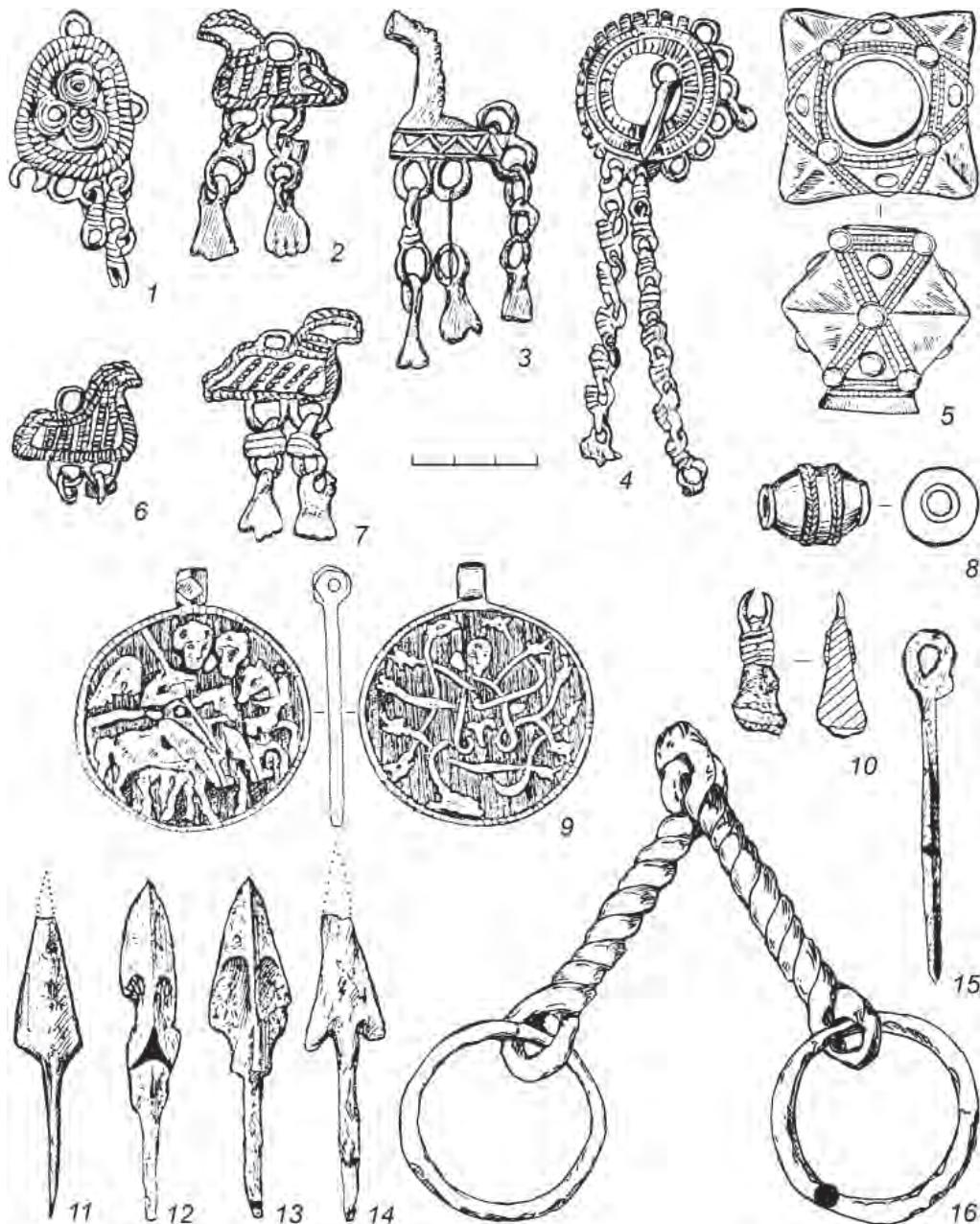

Рис. 3. Металлические изделия чумойтлинской культуры

(по Ф.Д. Нефедову, Г.Н. Журавлевой (Клюевой), Л.Д. Макарову, Т.К. Ютиной).

1–4, 6, 7 – подвески; 5 – наконечник булавы; 8 – пронизка; 9 – подвеска-змеевик; 10 – привеска; 11–14 – наконечники стрел; 15 – булавка-спица; 16 – удила. 1–10 – бронза; 11–16 – железо. 1, 15, 16 – Быргындинское IV поселение; 2–4, 6–8 – Котловский могильник; 5 – Ильнешское (Ныргында I) городище; 9 – Мало-Пургинская находка; 10 – Зуевская находка; 11, 14 – Ананьинские находки; 12, 13 – Благодатское I городище.

Случайные находки. Среди них хорошо известен бронзовый наконечник древнерусской булавы XII–XIII вв. (рис. 3: 5), найденный Ф.Д. Нефедовым на Ильнешском (Ныргында I) городище (Нефедов, 1899, рис. 21), бронзовая подвеска-змеевик XIV в. (рис. 3: 9) (Макаров, 2001, рис. 83, 11). Возле д. Быргында найдены железный наконечник стрелы (рис. 2: 1) и бронзовая коньковая шумящая подвеска (рис. 2: 8) (Голдина, Черных, 2011, рис. 53, 2, 3). По материалам Агафоновского

II могильника последняя датируется X в. (Голдина, Ютина, 2012, рис. 5, 50). На Быргындинском IV поселении обнаружены арочная шумящая подвеска пермского облика (рис. 3: 1), железная булавка-спица (рис. 3: 15) и железные удила (рис. 3: 16). Подобные арочные подвески хорошо известны в Предуралье в XI–XII вв. (Белавин, Крыласова, 2008, с. 382–383).

В районе Ананьинского могильника Ф.Д. Нефедовым были приобретены бронзовая шумящая

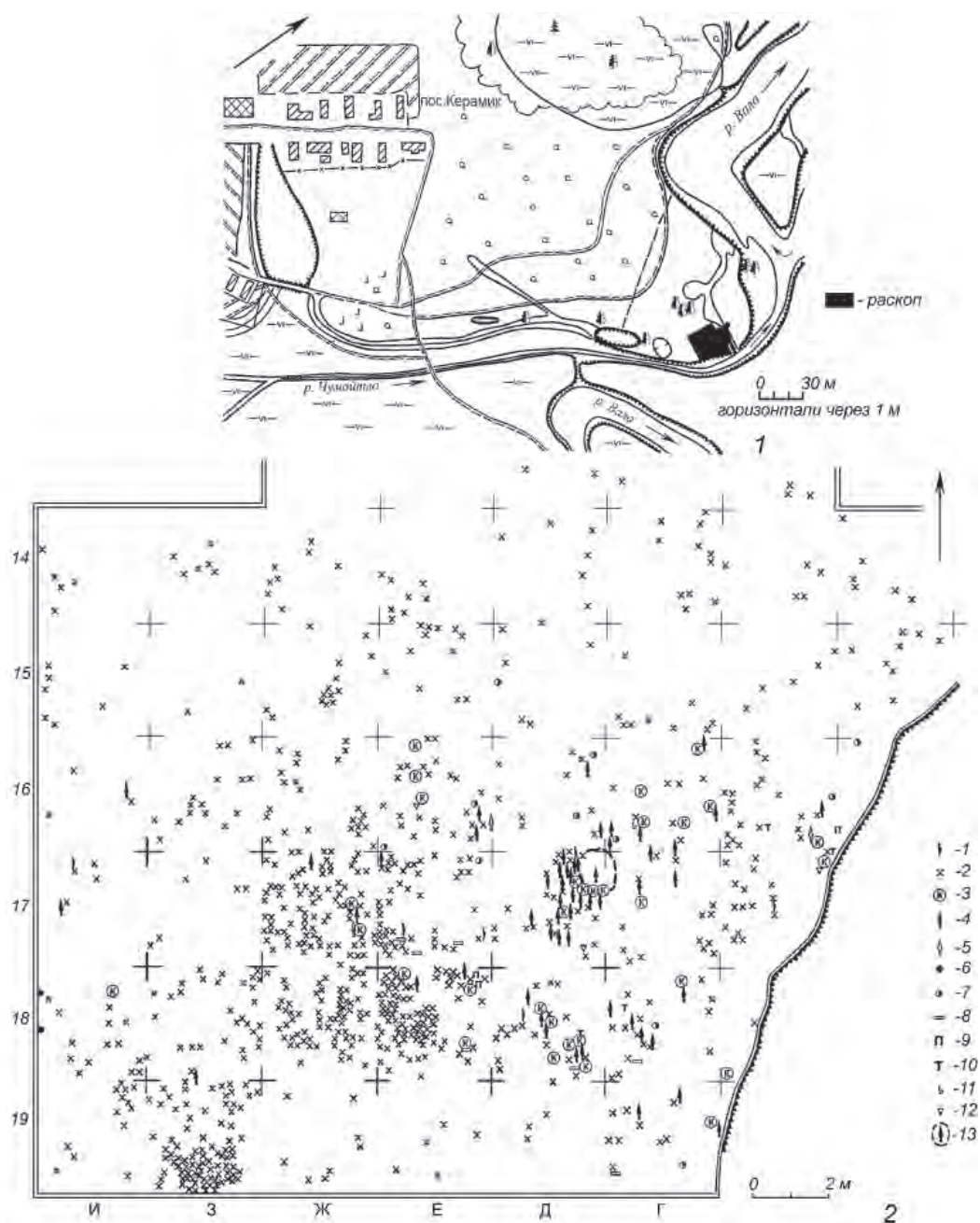

Рис. 4. Жертвенное место Чумойтло.

1 – топографический план; 2 – схема распространения находок, керамики и вещей на площади раскопа. Условные обозначения: 1 – нож; 2 – фрагменты керамики; 3 – изделие из кости; 4 – железный наконечник стрелы; 5 – костяной наконечник стрелы; 6 – монеты 1801 г.; 7 – бронзовый предмет; 8 – кресало; 9 – проколка; 10 – точило; 11 – железный клин; 12 – железный крючок; 13 – скопление из 33 железных наконечников стрел.

подвеска-уточка (Нефедов, 1899, табл. 18, 25) и два железных наконечника стрел (рис. 3: 11, 14). Из окрестностей Зуевых Ключей происходит бронзовая привеска от шумящей подвески XI–XII вв. (рис. 3: 10) (Голдина, Ютина, 2012, рис. 8: 120). На Благодатском I городище найдены два железных наконечника стрел кочевнических типов (рис. 3: 12, 13).

Значительная серия украшений получена Ф.Д. Нефедовым из двух женских могил Котловского

могильника: шумящие подвески-уточка (рис. 3: 2, 3, 6, 7), шумящая подвеска-сьюльгама (рис. 3: 4), украшенная сканью бусина (рис. 3: 8) (Нефедов, 1899, табл. 12, 2, 5–7, 23–25). Шумящие подвески-уточка принадлежат, по Е.А. Рябину, к типу V группы I (рис. 3: 2, 6, 7) и к типу XX группы VI (рис. 3: 3), которые производились первый – в окрестностях Костромы и в бассейне Камы, второй – преимущественно в Новгороде (Рябинин, 1981, с. 18, 19; 39–43). Дата находок – XII–XIII вв.

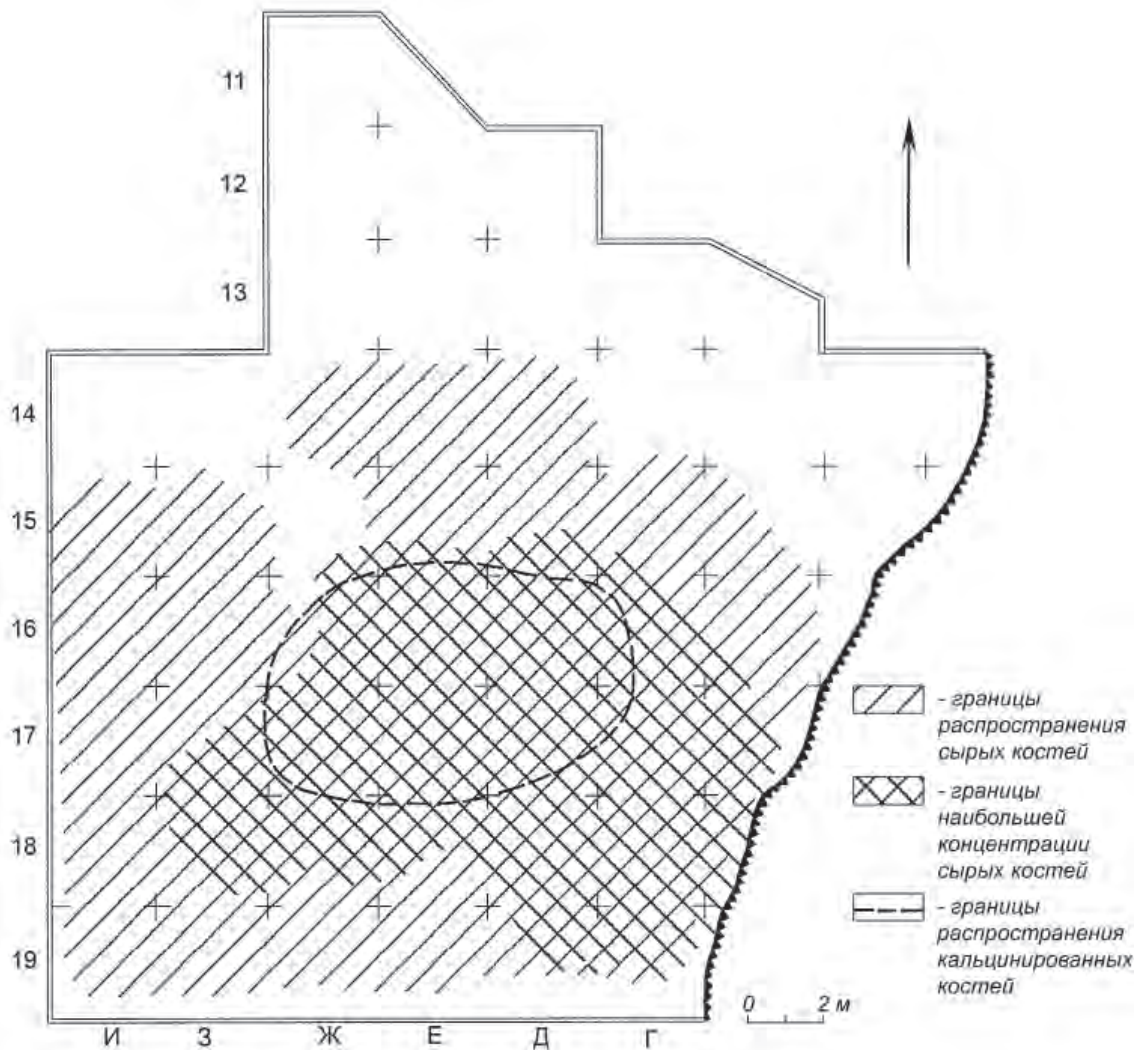

Рис. 5. Жертвенное место Чумойтло. Схема распространения сырых и кальцинированных костей на площади раскопа.

(Голубева, 1979, табл. 7, 13, 15 и др.; Рябинин, 1981, табл. VI, 3, 5–7, рис. 3: 4, и др.).

Е.П. Казаковым высказана гипотеза о том, что Котловский могильник – следствие миграции на восток мерянского населения из Костромского Поволжья (Казаков, 1992, с. 48–49). Учитывая, что подобные находки распространены и в Прикамье, возможно и пермское происхождение населения, оставившего этот некрополь.

Одним из ярких памятников Южной Удмуртии является *жертвенное место* Чумойтло XI–XII вв. возле г. Можги. Оно было обнаружено в 1974 г. Р.Г. Кабириным и исследовано в 1976 г. Р.Д. Голдиной (1987, с. 84–106). Памятник расположен в живописном месте, на возвышенности излучины левого берега р. Валы (рис. 4: 1). Исследованная площадь составила 470 кв. м. Слой жертвенного места представлял собой темную, сильно гумусированную супесь, насыщенную расколотыми сырыми и кальцинированными костями животных.

Наибольшая мощность его (до 0,55 м) зафиксирована на возвышенной части мыса (рис. 5). В центре слоя, содержащего сырые кости, обнаружены остатки культовой бревенчатой прямоугольной постройки с тамбуром площадью около 10 кв. м, неоднократно отремонтированной. В ней обнаружены следы нескольких кострищ, на которых сжигались части туш жертвенных животных.

Среди 3 тысяч собранных кальцинированных костей, по определению А.Г. Петренко, преобладали кости лося (52,4%), северного оленя (31%), немногочисленны кости бобров (7,1%), медведей (7,1%), косуль (2,4%). Сожжение жертвенных животных иногда производилось и вне постройки, так как на площади раскопа встречались отдельные кострища, очаги из плит песчаника, зольники.

Во время молений некоторые части жертвенных животных варили и съедали, о чем можно судить по сильно раздробленным костям, оставленным на жертвенном месте. Возможно, какие-то

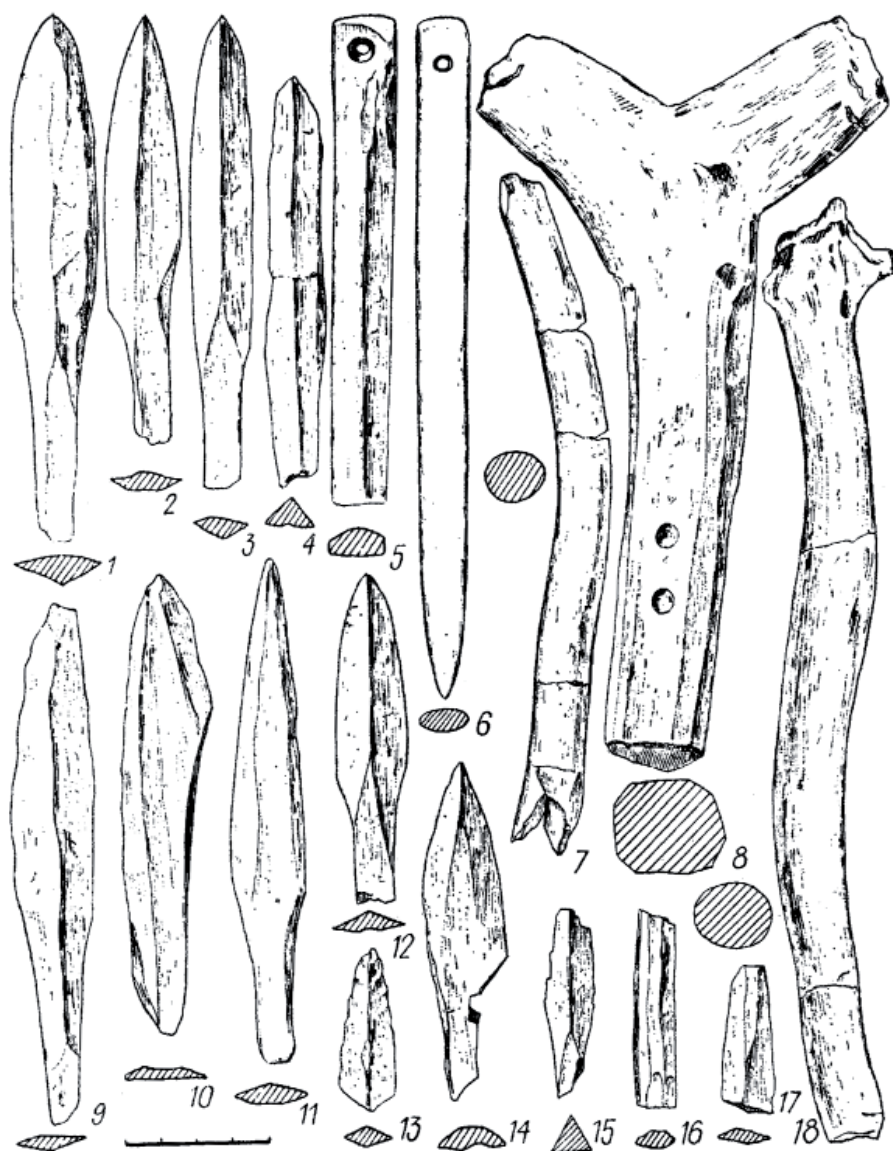

Рис. 6. Жертвенное место Чумойтло. Костяные изделия. 1-4, 9-12 – наконечники стрел; 5, 6 – кочедыки; 7, 8, 18 – рукояти бытовых изделий; 13-17 – обломки наконечников стрел.

части, например, головы (сохранились челюсти), оставляли в качестве подарка духам. В результате вокруг домика образовалось сплошное месиво из костей: ребра, челюсти, трубчатые кости, лопатки, копыта были разбросаны без всякого порядка. Из 60 тысяч сырых, необожженных костей А.Г. Петренко определила кости лося (72,48%), северного оленя (16%), бобра (3,1%), медведя (2,25%). Немногочисленны кости косули, барсука, лисы, куницы, свиньи, лошади, мелкого и крупного рогатого скота.

В слое сырых костей встречались фрагменты керамики от разбитых сосудов, а также костяные наконечники стрел (рис. 6: 1-4, 9-12) и их обломки (рис. 6: 13-17), рукояти (рис. 6: 7, 8, 18), кочедыки (рис. 6: 5, 6), копоушки (рис. 7: 2-4), заго-

товки различных бытовых изделий (рис. 7: 1, 5, 7, 8), каменные сланцевые точила (рис. 7: 6, 10, 11), обломок каменного грузила (рис. 7: 9).

Бронзовые изделия немногочисленны: несколько обломков бронзовых пластин (рис. 8: 10-12), куски бронзовой проволоки и три поясных накладки (рис. 8: 1-3). Последние широко распространены как в лесной, так и степной полосе Евразии в X–XIII вв.

Из железных изделий следует отметить втульчатый железный наконечник копья с треугольным пером и шипами в основании (рис. 8: 25) и обломок втулки от второго экземпляра (рис. 8: 24), несколько ножей и их обломки (рис. 8: 6, 14-17, 19, 20), обломок стержня от удил (рис. 8: 21), калачевидное кресало с язычком X–XIII вв. (рис. 8:

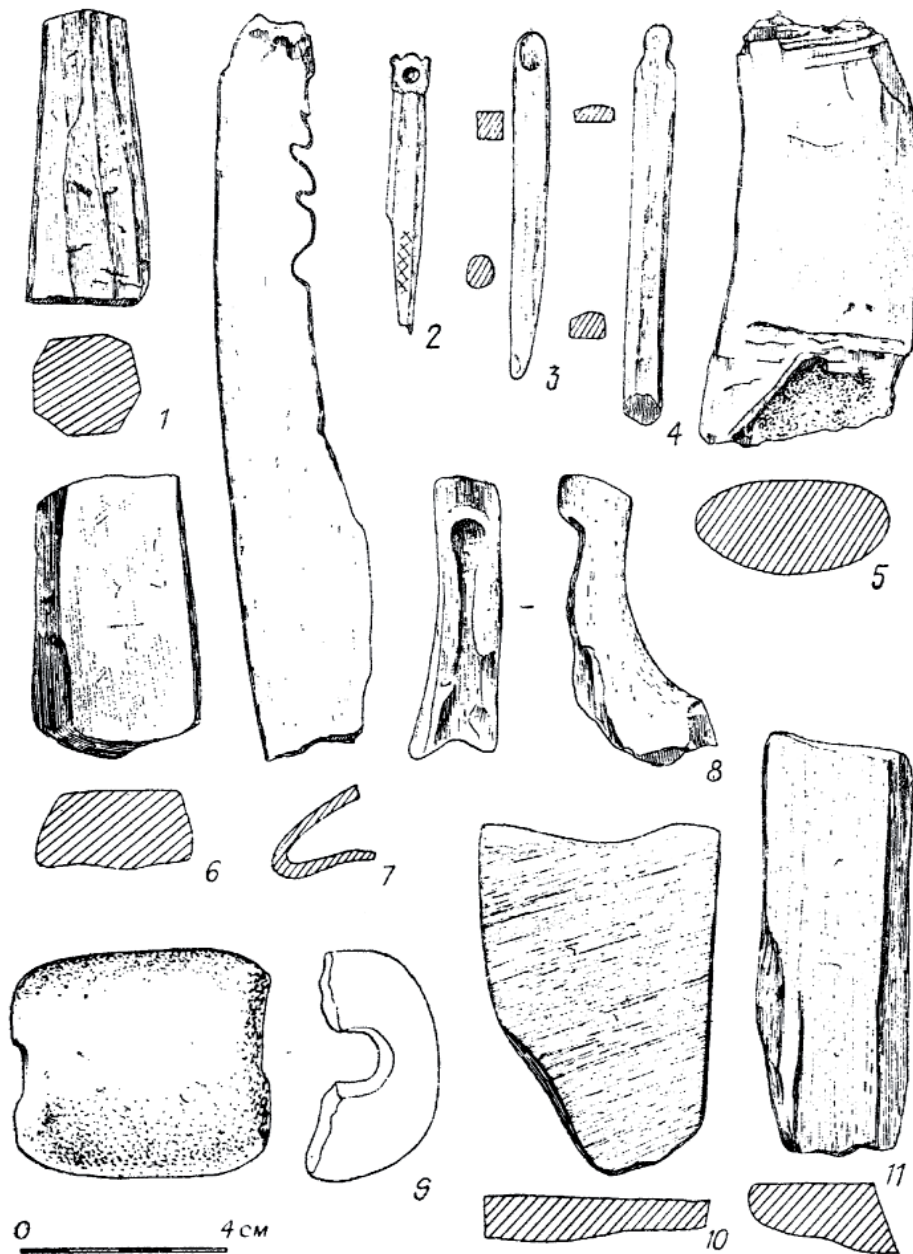

Рис. 7. Жертвенное место Чумойтло. Костяные и каменные изделия.
1, 5, 7, 8 – заготовки изделий; 2–4 – копоушки; 6, 10, 11 – точила; 9 – обломок груза. 1–5, 7, 8 – кость; 6, 9–11 – камень.

23); шилья (рис. 8: 18, 23–33), зубило (рис. 8: 34), рыболовный крючок (рис. 8: 27) и множество обломков железных вещей.

Железных наконечников стрел обнаружено 70 (рис. 9). Большинство наконечников стрел относится к группе черешковых. Следует отметить их яркую особенность – черешки широкие, не оформленные в узкий стержень, удобный при насаде в древко. Лишь у нескольких предметов (рис. 9: 20–23, 25) отмечен обычный шиловидный черешок. Некоторая спешка, небрежность в исполнении прослеживается также и в оформлении пера отдельных экземпляров – не соблюдена

симметричность боевой части наконечника (рис. 9: 2, 3, 19, и др.). Очевидно, большинство предметов этого рода являлись полуфабрикатами, не использовались еще в деле, а были сделаны, скорее всего, специально для ритуальных целей. На уч. Д/17 было найдено скопление из 33 железных наконечников стрел в кучке (рис. 4: 2), очевидно, уложенных в какой-то контейнер (мешочек, коробку). По прикамским материалам наконечники стрел Чумойтло датируются широко – от VIII до XIV вв. Судя по составу костей жертвенных животных (незначительное число от домашних и преобладающее от промысловых), по характер-

Рис. 8. Жертвенное место Чумойтло. Бронзовые и железные предметы. 1–3 – поясные накладки; 4, 5, 7–9, 13, 22, 26, 28 – обломки железных вещей; 6, 14–17, 19, 20 – ножи и их обломки; 10–12 – фрагменты бронзовых вещей; 18, 23–33 – шилья; 21 – обломок стержня от удил; 23 – кресало; 24, 25 – наконечник копья и обломок втулки; 27 – рыболовный крючок; 34 – зубило. 1–3, 10–12 – бронза; остальные – железо.

ным подаркам духам (наконечники стрел), это было жертвенное место охотников, которые с помощью молений, колдовства, магических обрядов стремились увеличить охотничью добычу, закрепить ее успех.

Некоторые, весьма слабые следы этих культов зафиксированы этнографами у удмуртов. Так, Д.К. Зеленин пишет о празднике 29 июня, когда удмурты вечером и ночью совершали моление с жертвоприношением быка. Рыбаки и охотники

клали в это время в воршудный короб «кто рыбку, кто белку, кто гусяного пуху, пера, березовых листков, прося у бога удачи, всяк в своем промысле» (Зеленин, 1980, с. 120).

Более ясные остатки охотничьей обрядности отмечены у коми, для которых охота длительное время являлась важным источником существования. По данным В.Н. Белицер, коми поклонялись лесному человеку, лесному хозяину, лесовику, лешему и приносили ему жертвы в виде убитой

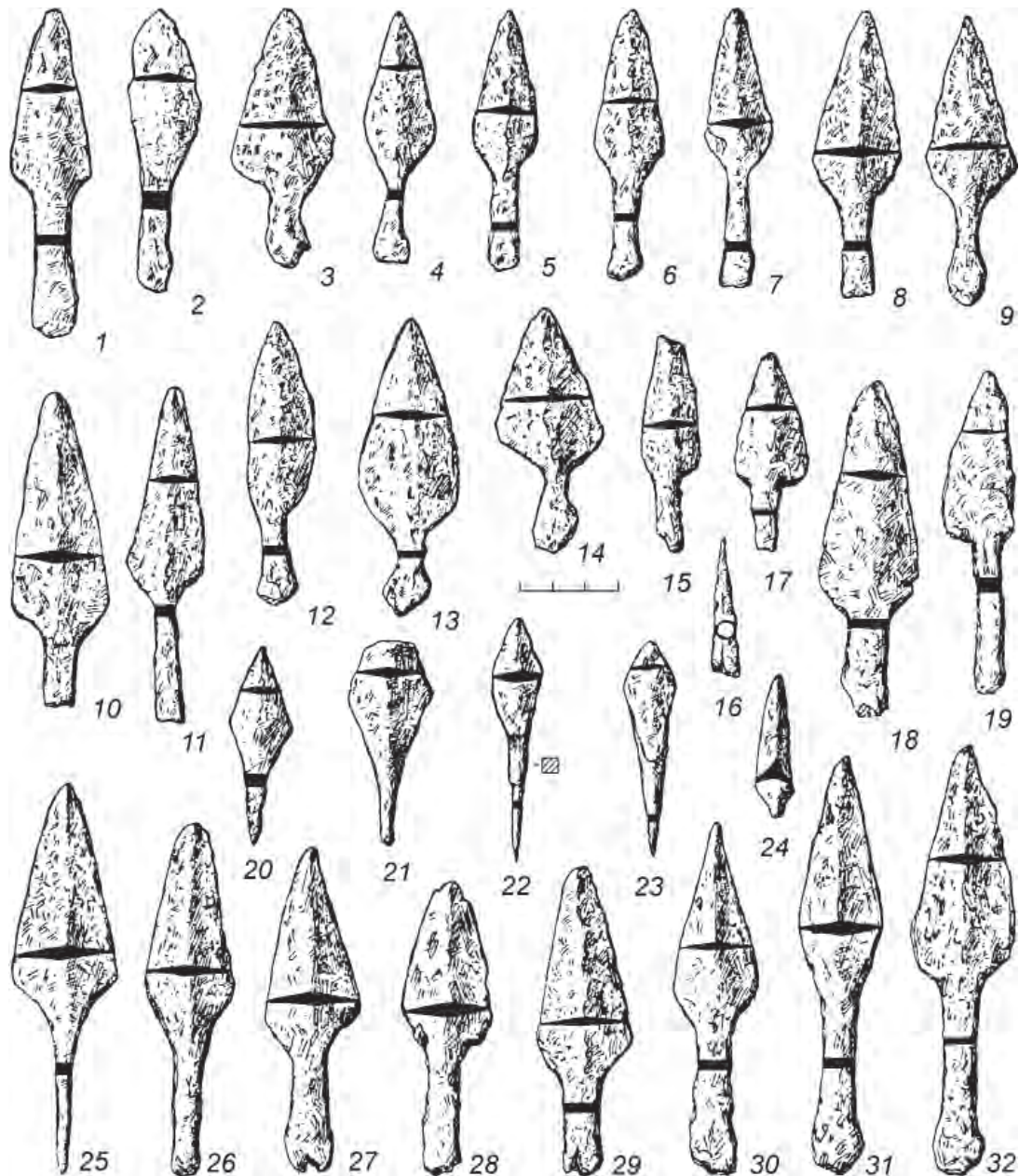

Рис. 9. Жертвенное место Чумойтло. Железные наконечники стрел

дичи, чаще всего перед сезонной охотой. В случае удачной охоты для закрепления успехов проводились соответствующие моления, а если добывали ценного зверя, то ему оказывали особое почтение (Белицер, 1958, с. 320).

Локчимские охотники при удачной охоте устраивали праздничный ужин, снятую шкуру вывешивали на самом видном месте, а тушку соболя или куницы хоронили в неглубокой яме, выкопанной в пепле костра. О добытом звере отзывались только доброжелательно, подчеркивалось, что ужин варится в честь «почетного гостя», которого перед началом трапезы «приглашали» к столу. Во многих случаях охотничьи магические обряды

выражались в расчленении туши жертвенного животного, совместной трапезе, сжигании некоторых частей туши (Конаков, 1985, с. 86; Белицер, 1958, с. 324).

Охотничьи обряды, как показали раскопки жертвенного места Чумойтло, несмотря на длительные земледельческие и животноводческие традиции в этом крае, сохранялись в Южной Удмуртии долгое время.

Керамический материал чумойтлинской культуры отражает происходившие в ней культурные процессы. Наряду с посудой, продолжавшей местные традиции ананьинско-пьяноборской посуды, обнаружены еще несколько вариантов: круглодон-

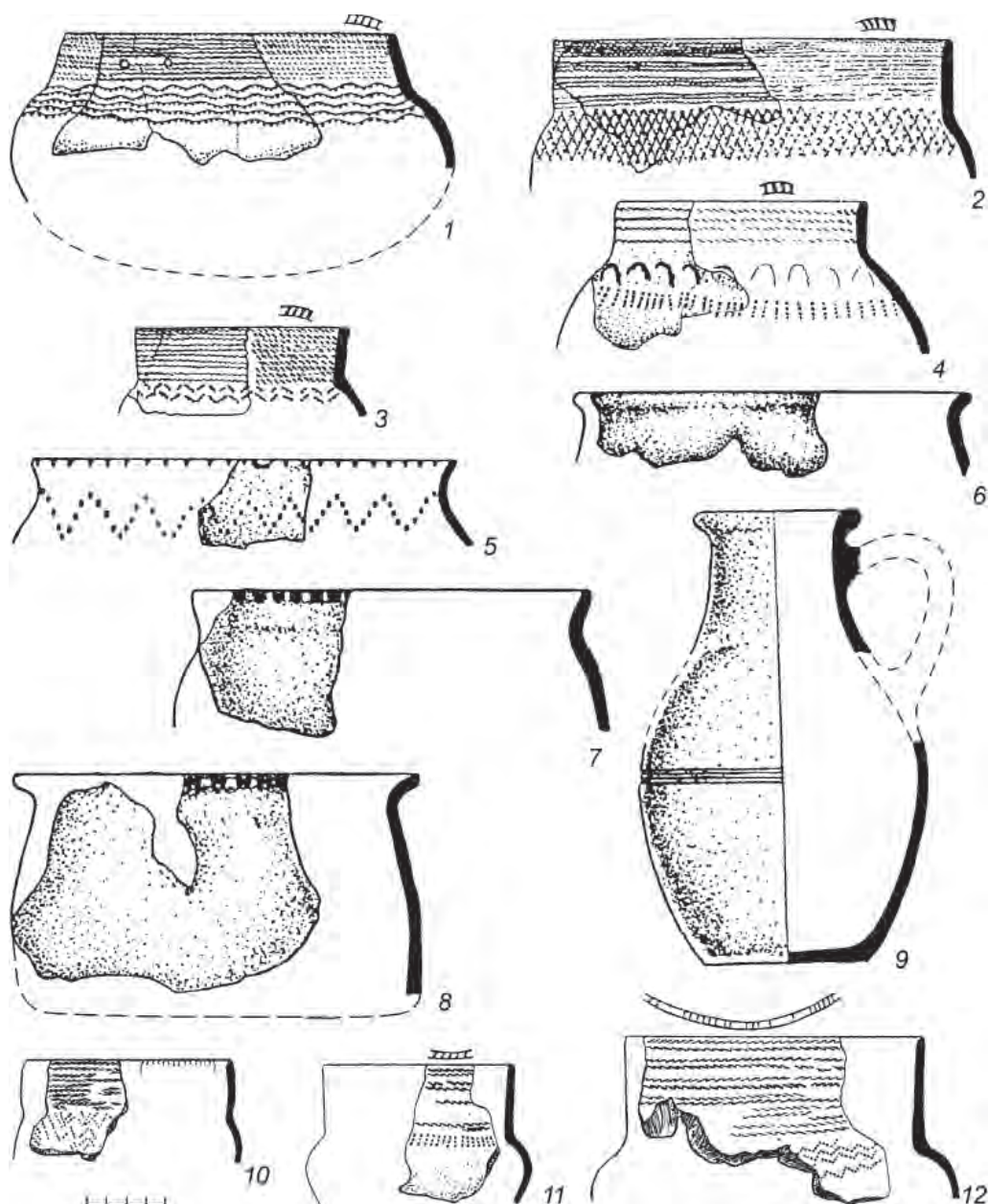

Рис. 10. Глиняная посуда памятников чумойтлинской культуры.
1–9 – жертвенное место Чумойтло; 10–12 – городище Каменный Лог.

ная, цилиндрошейная, с шнуровой орнаментацией (рис. 10: 1–4, 10–12), чашевидная, скудно орнаментированная (рис. 10: 5–8) и болгарская (рис. 10: 9).

Именно эти типы посуды выявлены на жертвенном месте Чумойтло. Следует отметить малочисленность и фрагментарность этого материала, удалось выделить лишь 27 сосудов.

К одной из групп отнесены фрагменты 13 сосудов чашевидной формы с хорошо профилированной, отогнутой наружу шейкой, уплощенным или округлым венчиком, незначительно раздутым туловом и, по-видимому, слегка уплощенным дном (рис. 10: 5–8). В глиняном тесте значительная примесь крупнотолченой раковины. Обработ-

ка поверхности весьма небрежная. Орнаментация скудна и представляет собой зацепы или ямочные вдавления по краю венчика (рис. 10: 5, 7, 8). Лишь в единственном случае орнамент в виде ломаной линии нанесен по шейке отгисками крупноребенчатого штампа (рис. 10: 5). Подобная посуда находит себе близкие аналоги в материалах чепецких городищ X–XIII вв. Иднакар (Иванова, 1998, рис. 93, 5; 94, 1; 96, 1–4), Гурья-кар (Иванова, 1982, рис. 12, 1, 3, 7), Маловенижского (Семенов, 1982, рис. 9: 1, 2, 7), а также синхронных могильников: Омутницкого (Семенов, 1985, рис. 13, тип Па,б,в), Весьякарского Бигер-шайа (Генинг, 1979, табл. VIII, 4, 17, 19) и др. Этот тип посуды известен и на памятниках конца I – начала II тысячелетия

Верхнего Прикамья: Русиновском I, Макаровском селищах, Аверинском II могильнике, городище Шудьякар (Голдина, Кананин, 1989, рис. 38, 1, 3, 4; 39, 7, 11) и др.

Небольшая выборка представлена фрагментами восьми сосудов горшковидной формы с плоским дном, небольшими, хорошо профилированными, отогнутыми наружу шейками, слабо-выпуклыми плечиками, уплощенными венчиками. Цвет серый, в тесте содержится примесь песка и шамота, иногда – мелкотолченой раковины. Поверхность шероховатая, видны следы заглаживания травой и рукой, наружная поверхность обработана тщательнее. Близкая посуда известна на многих болгарских памятниках IX–XI вв., но чаще всего она встречается на юге болгарской территории. В памятниках XII – начала XIII вв. она редка (Хлебникова, 1984, рис. 72: 1–3; с. 153–155, 216–219).

Обращают на себя внимание и обломки кувшинообразного гончарного сосуда (рис. 10: 7) с выпуклым туловом, прямой шейкой, отогнутым округлым, несколько утолщенным венчиком, остатками одной ручки. Фрагменты имеют серый цвет, признаки окислительного, а также последующего вторичного обжига до некоторой деформации, наблюдаются следы вертикального лощения. Посередине тулова кувшин украшен двойным ободком. Диаметр горла 9 см, тулова – 15,5 см, дна – 9,4 см, высота кувшина – 25,5 см. По многочисленным аналогам сосуд относится к первой группе болгарской посуды (по Т.А. Хлебниковой) и может быть датирован домонгольским периодом существования Волжской Болгарии, скорее всего, XI–XII вв. (Хлебникова, 1984, рис. 53, 5–7, 9, 10; 92: 2, 5; с. 175–184).

Особый интерес представляет оригинальная группа керамики ручной выделки с округлым туловом и преимущественно цилиндрической или слегка закрытым горлом (рис. 10: 1–4), содержащая в тесте примесь толченой раковины. Ее горловина украшена довольно плотным поясом из горизонтальных оттисков шнура, расположенных таким образом, что две парные линии имели противоположное направление, образуя своеобразные «косички». У основания шнурового пояса размещены различные варианты узоров, выполненных гребенчатым штампом. Эта посуда впервые была выделена Т.А. Хлебниковой по материалам болгарских памятников – Танкеевского могильника, Алексеевского городища и Остолоповского селища (Хлебникова, 1974, с. 65), обозначена как группа VII домонгольского комплекса и датирована X–XI вв., хотя использовалась в несколько трансформированном виде до начала XIII в. (Хлебникова, 1984, с. 106–112). Т.А. Хлебникова считает, что

эта посуда появилась в результате взаимодействия носителей неволинской и ломоватовской культур и принадлежит пермскому этносу.

Е.П. Казаков первоначально считал, что эта посуда сложилась в результате контактов кушнареновского и верхнекамского населения (Казаков, 1971, с. 127, 128). В последующих работах он выдвинул гипотезу зауральского происхождения этой керамики (Казаков, 1978, с. 83–93; 1986, с. 67–75; 1987, с. 25–33; 1989, с. 38–42). Исходный вариант исследователь видит в посуде петрогромского типа, обнаруженного на памятниках горно-лесного Зауралья. В настоящее время в верховьях Исети и Туры известны только временные стоянки, места металлургического производства и жертвенные комплексы, на которых встречалась наряду с другой петрогромская посуда, но практически не известны поселения, где это население проживало (Викторова, Морозов, 1993, с. 186). Классический петрогромский тип мало похож на прикамскую цилиндрическую посуду – это чашевидные сосуды с примесью талька в тесте, со слабораздутым туловом, без шаровидного абриса, орнамент представлен не только отпечатками шнура без «косичек», но и резной сеткой, оттисками гребенчатого штампа и некоторых вариантов фигурных штампов (Голдина, 2013, рис. 3). Значительно ближе к цилиндрической южноудмуртской посуде как по форме, так и по орнаментации погребальная посуда неволинской культуры конца IV–IX в. Кунгурской лесостепи (Голдина, 2013, рис. 2).

Исследователи петрогромских древностей В.Д. Викторова и В.М. Морозов довольно скептически оценивают родство петрогромской и прикамской цилиндрической керамики, подчеркивая близость последней к ломоватовской посуде Верхнего Прикамья (Викторова, Морозов, 1993, с. 191). Вызывает также интерес и вопрос о времени существования петрогромской посуды. В.Д. Викторова и В.М. Морозов (1993, с. 186–188) типологически относят эту керамику ко второй половине I тыс. н. э. В.А. Могильников датировал ее X–XIII вв. (Финно-угры и балты, 1987, с. 179), и, таким образом, речь может идти не о преемственности типов, а об их одновременном существовании. Учитывая все эти обстоятельства: отсутствие четко обозначенной территории проживания носителей петрогромского типа керамики, размытость ее характеристик, отсутствие чистых петрогромских памятников, неопределенность даты и нечеткость, и даже отсутствие типологического сходства между петрогромской и цилиндрической прикамской посудой, – на современном уровне археологического знания нельзя считать доказанным происхождение прикамской посуды этого типа от петрогромской и называть ее постпетрогромской.

Ф.Ш. Хузин осторожно оценивает этническую принадлежность цилиндрической с гребенчатой орнаментацией посуды болгарских памятников, указывая, в частности, на присутствие в восточных районах Предкамья большого количества угорских или, скорее всего, финно-угорских элементов (Хузин, 2011, с. 69–79).

С появлением новых материалов о датировках средневековых культур Прикамья, в частности неволинской культуры (Голдина, 2012), есть возможность обсудить проблему хронологии появления финно-пермского населения в Волжской Болгарии.

Как известно, болгары переселялись в Среднее Поволжье несколькими волнами: на рубеже VII–VIII вв. н. э. (Новинковский курганный могильник и др.), во второй половине VIII – начале IX вв. (Больше-Тарханский, Танкеевский могильники и другие) и позже. Постепенно кочевые племена болгар освоили оба побережья Волги между устьем Камы и Самарской Лукой (Хузин, 2006, с. 35–42).

Кочевники-болгары, оказавшись в новых географических условиях лесостепи, нуждались в рабочей силе для обеспечения себя продуктами питания и предприняли несколько попыток переселения пермского населения: из Кунгурской лесостепи, с южной части ломоватовской культуры и с бассейна р. Чепцы. Во всяком случае, по убеждению Т.А. Хлебниковой, верхнекамское (в широком смысле) население с его оседлым земледельческо-скотоводческим хозяйством сыграло немалую роль в формировании традиций оседлости у болгар (Хлебникова, 1984, с. 73).

В VIII и даже в IX в. болгары еще не были мощным организатором торговли в Волжско-Камском бассейне. Государство Волжская Болгария сложилось в Среднем Поволжье на рубеже IX–X вв. В этнической консолидации болгарского населения на основе тюркского языка огромную роль сыграли как социально-экономические (развитие земледелия, скотоводства, ремесел, процессы классообразования), так и идеологические факторы (мусульманство, арабская письменность). В состав Волжской Болгарии вошли и довольно значительные группы пермского населения ломоватово-неволинско-поломского типа, о чем свидетельствуют украшения женского костюма и глиняная посуда (Хлебникова, 1984, с. 38–40, 66–73; Казаков, 1992, с. 111 и сл.). В некоторых районах приуральское население по численности не уступало болгарскому (Казаков, 1992, с. 245–255).

Участие пермского населения в формировании государства болгар на Волге подтверждено и антропологами. В частности, С.Г. Ефимовой среди болгарских серий выявлены два основ-

ных массива: донско-приазовский ранних болгар и прикамско-приуральский – так называемая «танкеевская группировка» (Ефимова, 1991, с. 44–45).

Сейчас ясно, что причиной исчезновения неволинского населения из сылвенского бассейна явились взаимоотношения с появившимися в Среднем Поволжье болгарями. Первоначально контакты были, возможно, мирными. Об этом говорит инвентарь раннеболгарских захоронений на Самарской Луке. Вероятно, население Самарского Поволжья в VIII в. пользовалось услугами мастеров-металлургов сылвенского бассейна, не случайно на этих памятниках так много вещей, особенно деталей поясной гарнитуры неволинского облика.

Очевидно, набеги болгар на территорию неволинской культуры происходили неоднократно на протяжении последней четверти VIII – первой четверти IX в. (Голдина, 2012а, с. 225–227). Сначала прекратила свое существование верхсаинская группа, затем – неволинская, а позже – сухоложская. Вряд ли переселение неволинцев, как и других групп пермян, в Среднее Поволжье было добровольным. Болгары забирали имущество, скот, женщин, детей и мастеров – металлургов и ювелиров. Вероятно, расцвет металлообрабатывающих производств Волжской Болгарии во многом обязан мастерам неволинской и других финно-пермских культур. Не случайно Н.В. Федорова отметила в болгарской торевице присутствие северного компонента (пермского по территории) (Федорова, 2003, с. 147).

Часть неволинского населения была вынуждена переместиться севернее к родственным группам пермян на р. Чусовой и в южные районы ломоватовской культуры. Другая часть, памятники которой выявились в последние десятилетия, сместилась на юг по верховьям р. Иргины на реку Уфу и ее притоки – реки Ай и Юрюзань (поселение Рахмангулово, Абдулинское, Большеустинское, Торналинское городища и другие памятники), вплоть до верховьев реки Сим (Игнатиевская пещера) (Старков, 2009, с. 165–170). Можно уверенно говорить, что VII группа глиняной посуды появилась в Волжской Болгарии в результате насильственного перемещения неволинского населения из Кунгурской лесостепи.

Е.П. Казаков считает, что неволинское население во второй трети IX в. прекратило свое существование из-за мадьяро-печенежской войны (Казаков, 2007, с. 45–46). Хорошо известные мадьяро-печенежские конфликты происходили в период пребывания венгров в причерноморских степях (Артамонов, 1962) и никакого отношения к лесной и лесостепной полосе Приуралья не име-

ют. Неволинско-поломско-ломоватовское население оставило достаточно многочисленные следы на поселениях и могильниках волжских болгар, но не в культуре печенегов. Судя по картам, опубликованным Г.Н. Гарустовичем, А.И. Ракушиным, А.Ф. Яминовым (1998, рис. 17), а также В.А. Ивановым (1999, рис. 13), курганы печенегов известны только в пределах степей, не заходя в лесостепь, в которой располагались многочисленные памятники других культур, а неволино и печенегов разделяют многие сотни километров. Формирование Заволжской Печенегии В.А. Иванов датирует временем не ранее последней трети – конца IX в. (Иванов, 1999, с. 90). В более поздней работе памятники огузо-печенежского типа в Волго-Уральских степях он относит к X–XI вв. (История Самарского Поволжья, 2000, с. 276). В это время неволинская культура уже не существовала.

В связи с определенным более точным временем конца неволинской культуры стала возможной и корректировка времени появления этой группы керамики в Волжской Болгарии. Т.А. Хлебникова писала о том, что датировка керамики группы VII определялась по перекрытию содержащих ее ям, на Алексеевском городище и Остолоповском селище напластованиями X–XI вв. (Хлебникова, 1984, с. 106). Таким образом, уже предполагалось, что эта глиняная посуда появилась у болгар раньше X в. Однако в таблице 10, где анализируются итоги датировки типов керамики, время существования VII группы определено в рамках X – начала XIII вв. (Хлебникова, 1984). Сейчас можно предполагать, что эта посуда была принесена в Поволжье неволинцами в конце VIII – начале IX вв.

По сведениям начала 1980-х годов прошлого столетия (выход в свет книги Т.А. Хлебниковой) на территории Волжской Болгарии эта посуда была распространена на западе (Тигашевское городище, до 30% от лепной посуды), в южных провинциях (Муромский городок, около 30%), в центральных областях (Сувар, столько же). Наибольшая концентрация ее была выявлена на левобережье ближе к устью реки Камы (Алексеевское городище, 20,8%; Утяковское городище, 36%; и Остолоповское селище, 69%) (Хлебникова, 1984, с. 224–225), городище Джукетау (11,2%) (Хлебникова, 1975, с. 250–251). Значительное количество этой посуды (34–38% среди лепной керамики) обнаружено на Билярском городище в верховьях р. Черемшан (Хузин, 1995, с. 110; 2001, с. 97).

Особо хотелось бы отметить многочисленность VII группы глиняной посуды, связанной с неволинцами, на Елабужском городище (Нигамаев, Хузин, 2000, с. 22), расположенном на северо-восточной окраине Волжской Болгарии, в Предкамье, на правом берегу Камы, в стратегиче-

ски важном месте, в устье р. Тоймы, поблизости от переправы через Каму (Луговое – Бетки). Эта привлекательная местность была освоена финским ананьинским населением уже в VI–V вв. до н. э. и использовалась до III в. до н. э. Следы пребывания ананьинцев обнаружены в раскопах Т.А. Хлебниковой, С.В. Кузьминых, М.М. Кавеева в виде многочисленных фрагментов глиняной посуды и остатков сооруженных валов. Памятник функционировал и в более позднее время, а также в середине I тыс. н. э. (именьковская культура) (Нигамаев, Хузин, 2000, с. 13–15).

Современный ведущий исследователь Елабужского городища А.З. Нигамаев отмечает, что VII группа керамики по классификации Т.А. Хлебниковой занимает более 80% всей средневековой керамики городища (Нигамаев, 2009, с. 139). Правда, он, вслед за Е.П. Казаковым, считает ее угорской, с чем я не могу согласиться (Голдина, 2013; 2016). Крайне важно еще одно замечание, высказанное в совместной статье А.З. Нигамаева и Ф.Ш. Хузина, что нигде эта группа посуды (VII группа Т.А. Хлебниковой) не встречалась в таком большом количестве, как на Елабужском городище (Нигамаев, Хузин, 2000, с. 22). Очевидно, что одним из первых мест, где было размещено неволинское население, переселенное из Сылвенского поречья – окрестности современного г. Елабуги, а именно Елабужское городище. И произошло это не позднее рубежа VIII–IX вв. В дальнейшем шло расселение этого пришлого массива населения на левый берег Камы – в Закамье (Алексеевское, Утяковское, Джукетау городища, Остолоповское селище), затем – в более южные районы Волжской Болгарии (Биляр, Сувар, Муромский городок) и в Предволжье (Тигашевское городище). Дальнейшие исследования, вероятно, позволят конкретизировать этот процесс. Следует указать, что болгарское население в небольшом количестве (15–20% всей керамики домонгольской эпохи), но присутствовало на Елабужском городище (Нигамаев, 2009, с. 138), что говорит о совместном проживании финно-пермского населения и болгарского гарнизона.

Особый интерес представляет керамический материал Елабужского посада, расположенного в исторической части города, где было заложено четыре раскопа (Нигамаев, Хузин, 2000, с. 25–29). Здесь, по мнению автора раскопок А.З. Нигамаева, финно-пермская глиняная посуда – XVIII группа по Т.А. Хлебниковой (1988, с. 35–38, рис. 21) – составляла большую часть (примерно 2/3 всей керамики). Сосуды этой группы хорошо известны по другим памятникам, в частности городу Болгару. В большинстве своем круглодонные чаши, сделанные вручную, иногда с подправкой на круге, из

глиняного теста с большим содержанием толченой раковины. Оригинальны ручки подтреугольного сечения с горизонтальной площадкой в верхней части. Шейки, чаще плечики и ручки сосудов украшены оттисками гребенчатого штампа. Т.А. Хлебникова по городу Болгару датировала эту керамику второй половиной XIII – началом XV века. В Елабужском посаде она встречалась не только в позднем (золотоордынском) слое – 60%, но и в домонгольском – 58% (Нигамаев, 2009, с. 60). Если это удастся подтвердить стратиграфически, то вероятно, что Елабужский посад представлял собой поселок финно-пермского родановского населения, основанный в конце домонгольского времени и демонстрирующий еще одну волну переселений пермян в Нижнее Прикамье с территории родановской культуры.

Историческая интерпретация. Чумойтлинская культура генетически связана с населением, оставившим памятники XVI–XVIII вв. на территории Удмуртии. В настоящее время в Удмуртии известно более 100 могильников XVI–XIX вв. (Шапран, 1984, с. 120–133; Шутова, 1987; 1990), о которых хорошо осведомлено современное местное население. Более 60 из них находятся в Южной Удмуртии (рис. 11). Эти могильники характеризуются общностью черт, которые следует рассматривать как проявление этнического своеобразия южноудмуртской материальной культуры. Картографирование могильников показало их полное совпадение с ареалом распространения удмуртского населения в начале XVIII в. Почти все могильники XVI–XIX вв. соответствуют удмуртским поселениям, существовавшим в начале XVIII в., и отмечены в переписи 1716 г. (Гришкина, 1976, с. 124–133).

Генетическая преемственность ананьинской, тарасовской (чегандинской), верхнеутчанской, чумойтлинской и удмуртской культур подтверждается и антропологическими данными. М.С. Акимова, проводившая исследования Можгинского и Аксашурского могильников XVII–XIX вв. в Южной Удмуртии и сопоставившая их результаты с могильниками пьяноборского времени, утверждает, что исходным антропологическим типом удмуртов был пьяноборский (Акимова, 1968, с. 93). Свообразие этого района, сформировавшееся на протяжении столетий, проявилось и в других аспектах культуры южных удмуртов. В частности, на этой территории был в XIX–XX вв. распространен своеобразный костюмный комплекс, в котором, как считают этнографы, наряду с типично удмуртскими особенностями проявляются черты воздействия тюркской культуры. Традиционная женская рубашка южных удмуртов была туникообразной, спинка и перед ее шились из одного

полотна, перегнутого в плечах, бока оформлены двумя скошенными клиньями, рукава широкие с клиньями, чуть сужены к кистям. Вдоль грудного разреза нашит нагрудник из полос фабричной ткани. Под платье надевали апплицированный из кусочков разноцветной ткани съемный нагрудник – мурешет. Наиболее ранние рубашки сшиты из белой домотканины с небольшой вышивкой на груди. Низ рубашки был оформлен оборкой шириной 15–20 см и узорной полосой выборного ткачества. В конце XIX в. появились новые элементы оформления рубашки – кокетка, вторая оборка, более широкая оборка, стоячий воротник, манжеты и т. д. Появление второй оборки, увеличение ее ширины – проявление весьма ощутимого тюркского влияния (Лебедева, Атаманов, 1987, с. 117). Даже в вышивке южных удмуртов явственно прослеживается тюркское влияние. Для нее, как и татар и башкир, характерны свободные несчетные швы: «тамбурный шов», «стебельчатый» и особый декоративный прием, получивший название у специалистов «свободный козлик». У тюркских же народов были распространены типичные для вышивки южных удмуртов многоцветье и растительный орнамент (Королева, 1979, с. 34–42).

Этнографические материалы свидетельствуют, что женщины этого края носили высокий конусообразный головной убор – айшон, поверх которого накидывали платок – покрывало. Некоторые украшения имеют глубокие истоки, восходя к археологическим материалам. Конические височные подвески, известные в пьяноборское время в несколько ином варианте, встречаются на девичьих налобных повязках южных удмуртов (укотуг или тугоко), оригинальные прически южных удмуртов (чучырет) и по форме, и по способу навивки похожи на спирально-витые височные подвески ананьинско-пьяноборского времени, только выполненные из бронзы (Генинг, 1970, с. 198–199). Для костюма южных удмуртов характерно красочное многоцветье костюма, в отличие от северных удмуртов, у которых в костюме преобладают спокойные тона, преимущественно сочетание трех цветов – белого, красного и черного.

В Южной Удмуртии отмечены и особые черты в домостроении и оформлении интерьера жилища, которые также связаны прежде всего с многовековыми контактами с тюркским миром – болгарами, позже татарами, башкирами. В южноудмуртской традиционной избе (корка) оформление печи – с вмазанным котлом, наличие нар и другие детали указывают на тюркское влияние (Климов, 1984, с. 86). Широкие нары, покрытые кошмами, были устроены вдоль всей передней стены дома, в красном углу размещался стол и массивные лавки. Присутствие в жилищах удмуртов двух органи-

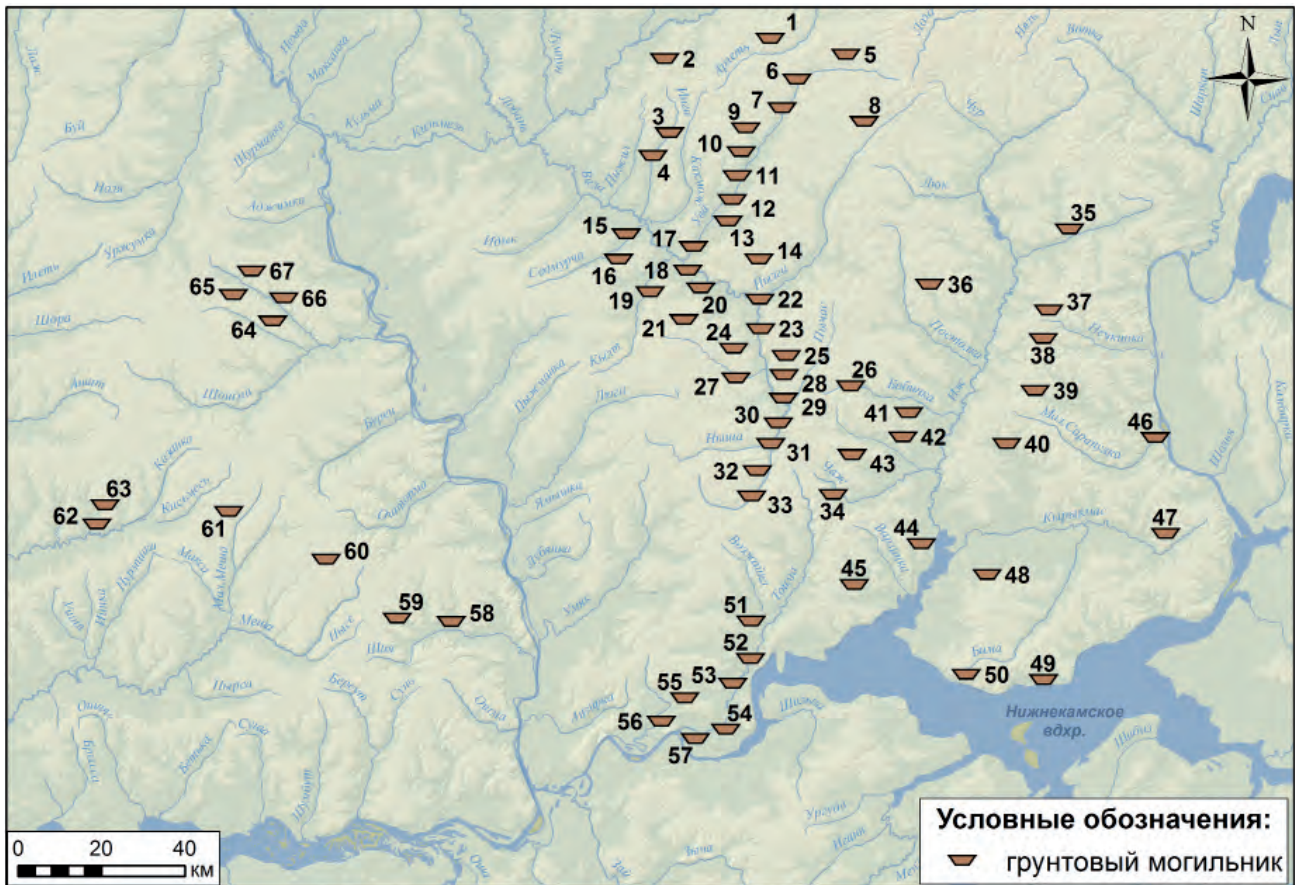

Рис. 11. Карта-схема южноудмуртских могильников XVI–XIX вв. (по Н.И. Шутовой, 1992).

- 1 – Юмга-Омга; 2 – Прой-Болма; 3 – Старочунча I; 4 – Старочунча II; 5 – Поршур; 6 – Пужмес-Тукля; 7 – Моторки; 8 – Пек-Жикья; 9 – Узей-Тукля; 10 – Абылстем; 11 – Лыстем; 12 – Большедокья II; 13 – Большедокья I; 14 – Большегурезь-Пудга; 15 – Водзимонье I; 16 – Водзимонье II; 17 – Начар-Котья; 18 – Чудзядудский; 19 – Бийский; 20 – Чужьялово; 21 – Александрово; 22 – Большежужгес; 23 – Чужьем; 24 – Большеволково; 25 – Пазял-Жикья; 26 – Минчегурт; 27 – Пазял-Зюмья; 28 – Вужшай; 29 – Шайильез; 30 – Можга I; 31 – Можга II; 32 – Сосновые Ключи; 33 – Замостно-Какси; 34 – Тоймобаш; 35 – Якшур; 36 – Верхнепостол; 37 – Каменки; 38 – Болтачево; 39 – Пуро-Можга; 40 – Аксакшур; 41 – Ильино; 42 – Нижнеюри; 43 – Большекибья; 44 – Юмьяшур; 45 – Кузебаево; 46 – Сарапул; 47 – Северный; 48 – Старосалья; 49 – Быргында II; 50 – Зуевы Ключи; 51 – Орехово; 52 – Серп; 53 – Староигра II; 54 – Староигра I; 55 – Енабердино; 56 – Сосново-Юрашино; 57 – Пустобаево (Тихоново); 58 – Большеуськино; 59 – Староуча; 60 – Ош-Юмья; 61 – Старомичан; 62 – Атын; 63 – Арняш; 64 – Среднекушкет; 65 – Тагошур; 66 – Вукогурт (Мельничное); 67 – Цишья.

зующих центров: красного угла и нар – придает им особое своеобразие (Климов, 1984, с. 87). В красном углу, обычно правом, размещались стол и массивные лавки. В левом углу у передней стены – просторные нары в виде деревянного ящика для хранения постельных принадлежностей, покрытые коврами – шобретами, выполненные в технике переборного ткачества, с узором, покрывающим всю поверхность фона (Климов, 1984, с. 88). Жилища дополнительно были украшены и декоративными полотенцами, которые вешали в проемах окон и на матицу. Концы полотенец орнаментированы в браной, закладной и выборной технике тканья. По наблюдениям Климова, в полотенцах Южной Удмуртии геометрические узоры крупнее, силуэты фигур проработаны не так четко, отчего узор выглядит живописнее (Климов, 1984, с. 88).

Длительные контакты южных удмуртов с тюркскими народами проявились и в особенностях их физического облика. По материалам К.Ю. Марк южные удмурты Алнашского района более темноглазы и темноволосы, чем остальные, и по этому признаку близки тюркским народам Среднего Поволжья и Приуралья (Марк, 1987, с. 39). Антрополог В.Г. Моисеев считает, что у южных удмуртов отсутствует существенный уральский антропологический компонент, столь характерный для северных удмуртов (Моисеев, 1997, с. 21).

Особый исторический путь южных удмуртов проявился и в их идеологических представлениях. По мнению В.Е. Владыкина, в удмуртском пантеоне имеется огромное число заимствований, усвоенных через тюркское посредничество: Албасты, Акташ, Акшан, Бустурган, Обида, Убир, Шайтан, Пери, Алангасар и другие. Особенно был рас-

пространен у южных удмуртов культ Кереметя, который проник, как считает В.Е. Владыкин, в удмуртскую среду с исламом и здесь слился с древним финно-угорским культом священной рощи (Владыкин, 1994, с. 98–100, 104, 109–110). Эти явления хронологически могут быть отнесены ко времени не ранее принятия ислама в качестве официальной религии Болгарского государства, которое стало осуществлять экспансию в пермские земли.

Своеобразие культуры южных удмуртов проявляется и в языке. Территория ижских, верхневалинских, тойминских, умякских, кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия (Основы финно-угорского языкознания, 1976, с. 104, 107; Кельмаков, 1987, карта 7) почти полностью совпадает с территорией верхнеутчанской и чумойтлинской культур. Интересно отметить и то, что именно в пределах южного наречия выявлен особенный говор (д. Варклет-Бодья Агрызского района Татарстана), где еще сохранилась, восстановленная В.К. Кельмаковым, архаичная система согласных в 28 единиц, полностью совпадающая с прапермской и утраченная абсолютным большинством удмуртских диалектов (Кельмаков, 1993, с. 45).

Глубокие исторические корни населения Южной Удмуртии подтверждаются и картиной расселения удмуртских родов (Атаманов, 1982, с. 81–127). Именно здесь расселение удмуртов создает целостную картину размещения родовых групп, при котором множество небольших пунктов группируются вокруг родового гнезда – выл. На этой территории локализуются центры (выл) родов:

Затча, Эгра, Уча, Шудья, Омга, Зумья, Бодья, Пельга, Чабья, Салья, Какся, Можга, Жикья, Кибья (Атаманов, 1982, с. 86–88). Некоторые из них, например, род Пельга, не сохранили преданий о переселениях из далеких мест, в отличие от большинства, что, очевидно, свидетельствует об автохтонности этого объединения и длительной истории его обитания на этой территории (Атаманов, 1987, с. 96). Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что многие удмуртские роды сохранили предания о переселениях. Из кукморско-шошминского района переселились в междуречье Вятки и Камы представители 15 родов (Бодья, Докья, Зумья, Какся, Кибья, Коньга, Копка, Куарса, Норя, Омга, Пышья, Сюра, Турья, Уча, Чабья). Слободской куст стал источником для 10 родов (Бигра, Дурга, Дурга-Побья, Побья, Салья, Сюгра-Чабья, Удья, Чабья, Чипья, Чола). Из прикильмезского района в другие переселялись удмурты 13 родов (Вамья, Жикья, Затча, Какся, Можга, Монья, Нылга, Пудга, Тукля, Чудьза, Чунча, Юбера, Юсь). Из 28 родов, зафиксированных в Южной Удмуртии (Атаманов, 1997, с. 78–79), лишь один – Пельга – стал источником расселения в другие земли. Одно из возможных объяснений этого – Южная Удмуртия была одним из наиболее стабильных, относительно спокойным районом, который был огражден от южных и западных соседей крупными реками – Вяткой и Камой. Современные материалы позволяют говорить о том, что южная группа представляет собой одну из древнейших в этногенезе удмуртского народа.

Асылгараева Гульшат Шарипзяновна, кандидат ветеринарных наук, старший научный сотрудник информационно-редакционного отдела, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия.

Баранов Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея археологии РТ, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Белавин Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; заведующий Отделом истории, археологии, этнографии ПФИЦ УрО РАН. Пермь, Россия.

Белорыбкин Геннадий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ректор, Институт регионального развития Пензенской области. Пенза, Россия.

Валеев Рафаэль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института международных отношений, вице-президент национального комитета Международного совета по охране памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС); руководитель центра «Всемирное культурное наследие» Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, Россия

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Валиulina Светлана Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Института международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, Россия

Васильев Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, руководитель Школы «Археология Нижнего Поволжья», Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия.

Вихляев Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва. Саранск, Россия

Газимзянов Ильгизар Равильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, Россия

Гисматулин Марат Рашитович, заведующий сектором отдела истории, Ульяновский областной краеведческий музей. Ульяновск, Россия

Голдина Римма Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, Удмуртский государственный университет. Ижевск, Россия.

Губайдуллин Айрат Маратович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия.

Давлетшин Гамирзян Миргазьянович, доктор исторических наук. Казань, Россия

Зеленев Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, Марийский государственный университет. Йошкар-Ола, Россия

Зеленцова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия, Институт археологии РАН. Москва, Россия

Зиливинская Эмма Давидовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела физической антропологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Москва, Россия.

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-образовательной лаборатории патриотического воспитания молодежи и истории казачества Башкирского государственного педагогического университета им.М.Акмуллы. Уфа, Россия

Иванова Маргарита Григорьевна, доктор исторических наук, профессор, Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, Россия.

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, Россия.

Казakov Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия.

Кокорина Нина Александровна, кандидат исторических наук. старший научный сотрудник, Институт археологии РАН. Москва, Россия.

Кочкина Анна Федоровна, заведующая отделом археологии, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (СОИКМ им. П.В.Алабина). Самара, Россия

Кравченко Эдуард Евгеньевич, кандидат исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия.

Крыласова Наталья Борисовна, доктор исторических наук, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Лифанов Николай Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Мурыгин Александр Михайлович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми научный центр УрО РАН. Сыктывкар, Россия

Мухаметшин Джамиль Габдрахимович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Набиуллин Наиль Гатиатуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Нигаматов Альберт Зуфарович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Елабужского института КФУ; доцент кафедры истории и методики ее преподавания Набережночелнинского государственного педагогического университета, руководитель Елабужской археологической экспедиции. Елабуга, Россия.

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Йошкар-Ола, Россия

Пальцева Динара Умметзяновна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии, билетки биоэтики, истории и социологии ФГБОУ ВО Астраханского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения РФ. Астрахань, Россия

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры и искусств. Казань, Россия.

Савельева Элеонора Анатольевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми научный центр УрО РАН. Сыктывкар, Россия

Семькин Юрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий специалист, Институт истории и культуры АНО ЦСИ Ульяновской области. Ульяновск, Россия.

Ситдинов Айрат Габитович, член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук, профессор, декан, Казанский (Приволжский) федеральный университет; директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Халиков Наиль Альфредович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ. Казань, Россия

Хузин Фаяз Шарипович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Шакиров Зуфар Гумарович, кандидат исторических наук, ГБУК РТ «Биллярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник». Биллярск, Россия

Шарифуллин Рафинд Фуатович, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение		Раздел второй	
(Хузин Ф.Ш.)	5	Археология Волжской Болгарии	237
Раздел первый		Глава 1	
Археологические памятники Волго-Уралья VIII – X вв.	15	Волжская Болгария: территория и этнический состав населения (Хузин Ф.Ш.)	238
Глава 1		Глава 2	
Памятники Южного Средневожья хазарского времени (Лифанов Н.А.)	16	Археологическое изучение болгарских городов	245
Глава 2		Общие сведения о городищах: типология, фортификация (Губайдуллин А.М., Хузин Ф.Ш.)	245
Большетарханский могильник (Казаков Е.П.)	32	Домонгольский Болгар (Хузин Ф.Ш., Баранов В.С., Ситдииков А.Г.)	256
Глава 3		Биллярское городище и его округа (Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г.)	267
Караякуповсукие памятники Башкирского Приуралья (Иванов В.А.)	51	Город Сувар (Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф.)	285
Глава 4		Город Джукетау (Набиуллин Н.Г.)	293
Танкеевский некрополь и его значение в этнокультурных процессах ранней Волжской Болгарии (Казаков Е.П.)	58	Древняя Казань (Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г.)	304
Глава 5		Древняя Алабуга (Нигамаев А.З.)	320
Большетиганский могильник (Казаков Е.П., Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.)	87	Муромский городок и его округа (Кочкина А.Ф.)	329
Глава 6		Красносундюковское городище (Семькин Ю.А., Гисматуллин М.Р.)	342
Памятники кочевников степного и лесостепного Предуралья (Иванов В.А.)	105	Юловское и Золоторевское городища (Белорыбкин Г.Н.)	352
Глава 7		Другие археологически исследованные городища (Хузин Ф.Ш., Губайдуллин А.М., Измайлов И.Л.)	366
Памятники Нижнего Поволжья VIII–X вв. (Васильев Д.В., Зиливинская Э.Д.)	125	Глава 3	
Глава 8		Монументальные здания, рядовые жилища и хозяйственные постройки. Благоустройство (Хузин Ф.Ш.)	378
Памятники хазарского времени в донецких степях (Кравченко Э.Е.)	148	Глава 4	
Глава 9		Сельские поселения (Руденко К.А.)	408
Мордовские памятники Окско-Сурско-Цнинского междуречья во второй половине VIII – первой половине XI вв. (Вихляев В.И., Зеленева Ю.А., Зеленцова О.В.)	172	Глава 5	
Глава 10		Хозяйство населения Волжской Болгарии	434
Памятники Среднего Предуралья (Белавин А.М., Крыласова Н.Б.)	184	Сельское хозяйство: земледелие, животноводство (Асылгараева Г.Ш., Халиков Н.А., Хузин Ф.Ш.)	434
Глава 11		Промыслы: охота, рыболовство, бортничество, смолокурение (Валиев Р.Р.)	444
Памятники Северного Приуралья (бассейн Вычегды и Мезени) (Мурыгин А.М., Савельева Э.А.)	214		

ОГЛАВЛЕНИЕ

Городское ремесло	449	Глава 3	
Черная металлургия и кузнечное дело (<i>Семыкин Ю.А.</i>)	449	Памятники бассейна р.Чепца (<i>Иванова М.Г.</i>)	650
Цветная металлургия и ювелирное дело (<i>Руденко К.А.</i>)	463	Глава 4	
Гончарное производство (<i>Кокорина Н.А.</i>)	486	Памятники Камско-Вятского междуречья. Чумойглинская культура (<i>Голдина Р.Д.</i>)	668
Стеклоделие (<i>Валиулина С.И.</i>)	503	Глава 5	
Косторезное дело (<i>Пальцева Д.У., Шакиров З.Г.</i>)	521	Памятники Среднего Предуралья X-XIII вв. (<i>Белавин А.М., Крыласова Н.Б.</i>)	685
Глава 6		Глава 6	
Внутренняя и внешняя торговля (<i>Валеев Р.М., Мухаметшин Д.Г.</i>)	530	Памятники Северного Приуралья в XI-XIV вв. (бассейна Вычегды) (<i>Савельева Э.А.</i>)	719
Товарно-денежные отношения	530	Глава 7	
Внутренняя и внешняя торговля	540	Памятники кыпчаков-половцев Южного Приуралья (<i>Иванов В.А.</i>)	741
Глава 7		Глава 8	
Оружие и воинское снаряжение (<i>Измайлов И.Л.</i>)	556	Памятники Нижнего Поволжья (<i>Васильев Д.В., Зиливинская Э.Д.</i>)	752
Глава 8		Раздел четвертый	
Духовная культура населения Волжской Болгарии	585	Этнокультурные процессы в Волго-Уралье VIII-XIII вв.	769
Мусульманские некрополи и проблемы распространения ислама в Волжской Болгарии (<i>Измайлов И.Л.</i>)	585	Глава 1	
Духовная культура болгарского населения в материалах археологии (<i>Давлетшин Г.М.</i>)	593	Антропологический состав средневекового населения Волго-Уралья (<i>Газимзянов И.Р.</i>)	770
Раздел третий		Глава 2	
Памятники Волго-Уралья в X-XIII вв.	601	Монголо-татарское завоевание Волжской Болгарии (археологический аспект) (<i>Хузин Ф.Ш.</i>)	784
Глава 1		Литература	793
Памятники Окско-Сурско-Цнинского междуречья (<i>Белорыбкин Г.Н., Вихляев В.И., Зеленев Ю.А.</i>)	602	Список сокращений	860
Глава 2		Указатель имен	864
Памятники Ветлужско-Вятского междуречья (<i>Никитина Т.Б.</i>)	617	Указатель археологических памятников	868
		Информация об авторах	884

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

СРЕДНИЕ ВЕКА (VIII – начало XIII вв.) ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ. ФИННО-УГОРСКИЙ МИР. КОЧЕВНИКИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Том V

Утверждено к печати
Институтом археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук РТ

Под общей редакцией
Ситдикова А.Г.
Художник
Садыков Р.Р.
Картографы:
Сайфутдинова Г.М., Зарипова Г.Х.
Корректор
Першагина И.А.
Оригинал-макет
Беспалова А.С.

На 1 странице обложки:
фрагмент болгарской височной подвески, скань, зернь.
Музей истории государственности татарского народа и РТ ГИАиХМЗ «Казанский Кремль».
Предположительное место находки – Билярское городище.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 27.12.2022 г.
Формат 60×84 1/8
Печать офсетная. Усл. печ. л. 111.
Общий тираж 800 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии

